

С. В. Пугин*

ЕДИНСТВО ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В статье рассматриваются взгляды К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева и И. А. Ильина на проблему взаимоотношения государства и личности, а также осуществляется попытка проследить становление оригинальной философско-антропологической консервативной концепции целостности и уникальности традиционного типа личности. Пользуясь методом текстологического анализа, а также сравнительным методом, мы формулируем характерный для указанных философов тезис: личность русского человека как наследница православной традиции, завещанной от отцов, необходимо стараться сохранять, а особые принципы, которые поддерживают веру в непреходящее значение фундаментальных заветов предков, укреплять. Этому стремлению придается культовый смысл, ведь в нарушение этих принципов приводит к уничтожению всего миропорядка. Возникает противопоставление традиционного типа личности иному, враждебному (*либеральному*) типу. В заключении мы анализируем установки русских консерваторов на укрепление современного положения дел и утверждения вечного настоящего.

Ключевые слова: русский консерватизм, личность, государство, традиция, либерализм.

S. V. Pugin
THE UNITY OF STATE AND PERSONALITY
AS AN ANTHROPOLOGICAL PHENOMENON
(in the context of russian conservatism)

The paper considers the views of K. N. Leontiev, K. P. Pobedonostsev and I. A. Ilyin on the issue of interaction of state and personality, and observes the development of original philosophical-anthropological conservative conception of unity and uniqueness of the traditional type of personality. Using the method of textological analysis as well as the comparative one, a common proposition for these philosophers was formulated: the

---

* Пугин Сергей Владимирович, аспирант, Русская христианская гуманитарная академия; sv.pugin@gmail.com

personality of a Russian is the heir of the Orthodox tradition, received from the fathers, and it should be done everything to preserve it and to reinforce the principles that support the faith in imperishable character of the predecessors' testaments. This striving is regarded to be a cult, because breaking these principles causes the destruction of the whole world. The tradition type of personality opposes the hostile one, namely the liberal. In conclusion the stances of Russian conservatives to strengthening the contemporary agenda and, thus, the eternal Present is analyzed.

Keywords: Russian conservatism, personality, state, tradition, liberalism.

Введение

Различные аспекты проблемы взаимоотношений государства и личности в традиции русской консервативной мысли пользуются вниманием исследователей [6–8]. Существуют общие положения, характерные для многих консерваторов второй половины XIX — начала XX вв., например, тезис об отсутствии противоречий между личностью и государством. Личность провозглашается неотъемлемой частью общества, причем связана она с ним не только формальными правовыми нормами, но в большей степени присутствиями всем членам сообщества религиозными, этическими и национальными ценностями и смыслами [15, с. 208–209].

Возникает вопрос: можно ли выявить способы, механизмы, идеологические или духовные методы воздействия, обуславливающие такую целостность? Анализ положений о путях обоснования органичного единства правовых, этических, культурных, цивилизационных норм сегодня весьма актуален. Обнаруживается, что через сочинения многих консервативных философов красной нитью проходит мысль об особенностях русской культуры и русского народа, об их своеобразном цивилизационном пути и умелом противостоянии тлетворным идеологическим влияниям «западного мира».

Нам интересно исследовать, как консервативные мыслители понимали взаимоотношения личности и государства, в чем они видели угрозу для особого типа личности русского человека и какими средствами стремились сохранить ее уникальность. Для этого мы рассмотрим и сопоставим три важнейших фигуры в традиции русского консерватизма — К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева и И. А. Ильина. Выбор этих философов обусловлен тем, что они представляют вехи в историческом становлении консерватизма, а также тем, что в их сочинениях обнаруживаются оригинальные учения о целостности личности как государственной задаче. Мы определим, какие тезисы об отношениях личности и государства каждый из них провозглашает, совпадают ли они друг с другом, а также обоснуем положение о том, что русские консерваторы стремятся в своих сочинениях противопоставить традиционный тип личности либеральному западному типу и утвердить незыблемость ситуации настоящего. Таким образом мы смогли бы проследить становление оригинальной философско-антропологической консервативной концепции целостности и уникальности традиционного типа личности.

Личность, государство и их взаимные отношения

Учения о взаимных отношениях личности и государства в работах представителей консервативной мысли во многом схожи между собой. Эти философы считают, что личность должна быть подчинена государству и общественному интересу, и обнаруживают, что максимальное выражение и институциональное воплощение ценностных ориентиров личности возможно только в государстве.

К. Н. Леонтьев раскрывал идеал государственного устройства и гармонического отношения его с человеческой личностью на примере устройства Византийской империи. В этом историко-культурном явлении его поражают четкость форм и определенность составляющих его начал. В трактате «Византизм и славянство» мы читаем о том, что Византией правит общая идея, состоящая из религии, государственного устройства, особого типа нравственности, философии и искусства (см.: [9, с. 127]). Этот тип общественной, семейной и институциональной организации Леонтьев противопоставляет славянству [9, с. 152]. Объяснение его позиции можно найти в его определении формы — это «деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться» [9, с. 186]. В данном случае противопоставляются две цивилизационные установки, или всемирно-исторических принципа: византизм с его оформленным единоначалием и прочной систематической внутренней организованностью и славянство, некий бесформенный агрегат, за которым невозможно признать самостоятельности. Поэтому вполне закономерно, что речь идет о своеобразии и величии монархической России, ведь именно здесь яснее всего обнаруживается византийский принцип внутренней взаимосвязанности государственных и духовных институтов власти.

Леонтьев подчеркивает, что в соответствии с этим идеалом монарх должен удерживать в своих руках всю полноту власти, и эта власть должна доказывать присущую ей божественную природу, чтобы никто не смог в этом усомниться. В государе должны видеть исполнителя воли Божьей на земле, поэтому вполне естественно складывается фигура «царя-батюшки», играющая роль отца большой семьи-государства. Семья в концепции Леонтьева закономерно подчинена государству, для него «родовое чувство, столь сильное на Западе в аристократическом элементе общества, у нас же в этом элементе всегда гораздо слабейшее, нашло себе главное выражение в монархизме. [...] Государство у нас всегда было сильнее, глубже, выработаннее не только аристократии, но и самой семьи» [9, с. 137].

Взгляды К. П. Победоносцева на фигуру монарха схожи. Непреходящую ценность истинной человеколюбивой власти государя над своим народом он противопоставляет неприглядному образу выборной демократии. Правление монарха он понимает как непрерывное служение, самопожертвование, которое приносится во имя любимого монархом простого народа и единственно возможная форма существования власти. Любовное и жертвенное взаимодействие народа со своим правителем, власть которого освящена традицией, и Богом укрепляет патриархальные ценности, и власть должна уметь замечать искренних и любящих правду подданных, чтобы на них основывать свое правление. В этом случае никакой парламентаризм (по Победоносцеву — безусловное зло) не будет страшен.

Взгляды И. А. Ильина на отношения государства и общества представляют собой сочетание острых публицистических выступлений и фундаментальных историософских положений. Заметим, что на оригинальные антропологические взгляды философа сильнейшее влияние оказало, с одной стороны, учение Гегеля, с другой — православная культура. Распространенным в первой половине XX в. лозунгом о революционной свободе, переходящей во вседозволенность, Ильин противопоставляет более взвешенную философскую традицию.

Ильин — последовательный сторонник аристократизма в духе Платона. Он был убежден, что управлять государством должны только особенные, доказавшие право на это способностями и образом жизни и мысли люди. Аристократизму он противопоставляет демократическое устройство общества, которое со времен Аристотеля является классическим примером безрассудного управления людьми [3, с. 289].

Необходимо оговориться, что И. А. Ильина нельзя считать сторонником меритократии, апологеты которой часто встречаются среди теоретиков постиндустриального общества [19, с. 327]. Аристократия для Ильина несет в себе важный специальный оттенок потомственности, благородного происхождения и настаивает на превосходстве одного человека над другим прежде всего по праву близости к традиции. Кроме того, учение о государстве связано в его философии с религиозной идеей претворения в мире Божьего замысла, противостоящей всякой либеральной идеологии с традиционалистских позиций.

Сходны позиции И. А. Ильина и Л. Н. Толстого: они оба обращают внимание на парадоксальный характер человеческого существования (см.: [1]). Ограниченный в своей земной жизни, человек постоянно стремится к Богу и преодолению смерти. Ильин воспринимал это стремление как человеческую трагедию, разворачивающуюся на фоне победного шествия гегелевской спекулятивной теодицеи во всемирной истории [4, с. 469]. Однако он, в отличие от Толстого, не принимает отказа от общества и его правовых институтов, ведь личность постигает идею Божественного и достигает ее воплощения на земле только в обществе. Итак, в идейном противостоянии толстовству Ильин формулирует собственные философские воззрения на проблему предела человека и его спасения. Задача государства — подчинять себе личностные проявления, идущие вразрез с общественными, всеобщими интересами, — мыслится им как правовая задача и реализация принципа любви. Для Ильина любовь выступает таким регулятивом, с помощью которого в мире можно победить и превозмочь зло. Любовь связана с Богом, и вне одухотворенного действия она не мыслима [17, с. 166].

Едва ли И. А. Ильин был безоговорочным сторонником силовых методов в отношениях личности и государственной организации, тоталитаризма и «сильной руки». Хотя существуют исследования, посвященные отношению мысли Ильина к фашистской идеологии (см.: [10; 18; 14]), необходимо указать на важную деталь: аристократическое правление (а вовсе не меритократическое или корпоративное) должно осознавать меру и тяжесть ответственности, лежащей на его плечах, при приведении в действие какого бы то ни было понуждения. Государство, обладая монополией на насилие, вовсе не должно

пользоваться им постоянно при решении своих задач. Итак, основная цель государства заключается в обеспечении совместного духовного совершенствования сообщества людей.

Эгалитаризм и либерализм как противники культурной идентичности

Главными опасностями органического единства государства и личности для консервативных мыслителей являются эгалитаризм и космополитизм — именно они разлагают ценности и нравственные ориентиры самобытной русской культуры.

К. Н. Леонтьев отвергает любые попытки представить европейскую историю как процесс становления личности, ее прав и свобод, равноправия людей и сословий в привлекательном или сочувственном свете. Он убежден, что считать достижением малейшее возвышение отдельного человека над государством или родом невозможно. И дело не в том, что такой уравнительный процесс направлен против византийского идеала — гораздо хуже, что эгалитаризм угрожает самой природе.

Угроза мировой и прежде всего именно западноевропейской цивилизации исходит от самого носителя провозглашенных просветителями XVIII в. либеральных ценностей. «Средний европеец» представляется Леонтьеву не только идеалом и орудием всемирного разрушения, но еще и чем-то неживым, искусственным, ходульным в силу того, что эгалитаризм по сути своей противостоит сформулированному Леонтьевым органическому закону развития: всякий живой организм, начиная от растения и заканчивая культурой, переживает стадии первичной простоты, далее — цветущей сложности и, наконец, вторичного упрощения [9, с. 183]. Цветущее разнообразие, которым для него характеризуются здоровая культура и общество, решительно противостоит всякому уравниванию. Для Леонтьева очевидно, что стремление достичь подлинного единства и равноправного существования по природе своей неравных составляющих — прикрытие для более зловещих и далеко идущих планов [9, с. 372].

Эгалитаристские воззрения противоположны самому духу леонтьевской философии. Неприятие тотального уравнивания заставляет философа проповедовать радикальные, реакционные взгляды. Например, он вслед за епископом Никанором Херсонским, осудившим разрастание сети железных дорог в России, выразил свое несогласие с празднествами по поводу новых железнодорожных маршрутов: и здесь он разглядел ненавистный эгалитаризм [9, с. 671]. Леонтьев рассуждает так: необходимо обратиться к самобытности русского народа, не испорченного привнесенной, чуждой ему и органически опасной образованностью, и развить все здоровые в народе исконные качества до самостоятельной, цветущей сложности. Это избавило бы нашу культуру от подражательности западноевропейским образцам и обновило бы кровь нашей жизни.

Схожие представления разделял и обер-прокурор К. П. Победоносцев. В современных ему либеральных тенденциях он находил извращение традиционного принципа организации государства и общества. Победоносцев был убежден, что лишь безоговорочное исполнение заветов предков в отношении

культуры, социального и политического устройства смогут сделать общество здоровым, неиспорченным и неподверженным никакой пагубе. В программной статье «Великая ложь нашего времени» он прослеживает целый набор ошибочных, с его точки зрения, представлений и лозунгов, провозглашаемых сторонниками либеральных реформ и парламентаризма. Он изначально враждебно настроен по отношению ко всякой не от Бога идущей власти: «Одно из самых живых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, со времени французской революции утвердившаяся идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной» [11, с. 31].

Несомненно, что критика Победоносцевым основных положений либеральной философии связана и с исторической ситуацией, в которой разворачивалась его обер-прокурорская деятельность. Его речи и публицистика насыщены аргументами против либерализма и парламентаризма; именно эти положения предопределили идеологическую политику Российской империи накануне революционных событий [13, с. 109]. Так, Победоносцев восстает против мнений о способности народа выбирать своих руководителей, формировать представительные органы власти на началах всеобщего равенства и правового паритета. Все это возможно лишь теоретически: едва возобладают демократические принципы, начнется постепенная и неизбежная механизация власти (это положение Победоносцев подтверждает историческими примерами (см.: [12, с. 305])), ведущая к отстранению ее от всякого личного начала — ведь осуществлять волю безличного большинства может лишь бездушная машина. Народ на самом деле нигде и никого не выбирает, и оказывается, что возникновение представительных органов власти поспособствовало лишь самым ловким и стремящимся к собственной выгоде людям, проходимцам и демагогам. Все это приводит к дискредитации самой идеи священства власти.

Об осквернении традиционных представлений о священстве власти, которое достигается претворением в жизнь либеральных принципов, писал и И. А. Ильин. Он указывал на то, что русское общество было воспитано на идеалах семьи, традиционного православия и монархизма. Однако здесь обнаруживается парадокс, не заметный западным либералам: именно в таком повиновении принципам можно достичь подлинной свободы. Осуществление свободы как бесконтрольного и всеобщего волеизъявления ведет вовсе не к открытости и реализации интересов общества, а к его деградации, духовному опустошению и своеволию (см.: [3, с. 293–294]).

Консерваторы поддерживают положение о том, что либеральным принципам построения государства и общества свойственна тенденция к механизации процессов, приводящая к формализму. К. П. Победоносцев проанализировал эту тенденцию на примере образовательной практики. Если рассмотреть порядок избрания кандидатов на государственные должности, то торжество формализма приводит к тому, что оценки их способностей производятся по формальному и внутренне пустому признаку. Если применять только такой обезличенный критерий, то теряется самое драгоценное, что есть в человеке — его привязанность к собственной культурной, государственной и религиозной почве. Иными словами, он обезличивается. Прямым продолжением этого процесса является возвышение отдельного человека по формальному

соответствию установленным оценочным средствам и критериям. Подобный социальный климат неизбежно не только выхолащивает межчеловеческие отношения, нивелирует подлинность человеческой личности как носителя духовных ценностей, но и уничижает взаимоотношения человека и государства.

Корнем этих бед был пестуемый западной культурой индивидуализм, адекватно выражающийся в культуре рыночных отношений и культе денег [5, с. 134]. Эта выстроенная англо-саксонской цивилизацией политическая культура была по всем признакам противоположна укоренному на русской почве общинному быту и свойственной русскому менталитету соборности. В отличие от «космополитов», к которым Победоносцев прежде всего причислял евреев [16], подлинный сторонник сильного государства по природе должен быть привержен почвенническим идеалам в общественных отношениях и культуре. Вот почему самодержавие мыслилось Победоносцевым и другими консервативными мыслителями рубежа XIX–XX вв. как единственная возможная и эффективная форма государственного управления в России. Здоровый патернализм такой власти отражал естественную потребность народа в традиционных отношениях между государем и простыми людьми в обход абстрактной и бездушной государственной бюрократической машины.

Как сохранить самобытность личности русского человека?

Итак, особенной личностью русского человека делают православная русская культура и непреходящая ценность традиционного патриархального уклада жизни, и эту особенность необходимо оберегать. На русском человеке естественным образом держится весь освященный веками уклад русской государственности: извращение его нравственных ориентиров и ценностей влечет за собой уничтожение государства. Именно поэтому необходимо проанализировать, как консервативные мыслители решали вопрос о том, при помощи каких средств удастся сохранить уникальность русской культуры.

К. Н. Леонтьев указывает на специфическую диалектику: чем более увлекались западными идеями и западным образом жизни верхние слои русского общества, тем более выходили на передний план самобытный уклад жизни и нравственное здоровье простого русского народа. Леонтьев называет это пресыщением западничеством. Он с удивлением замечает, что в судах образованное сословие наблюдает «быт и страсти нашего народа», будто в особом антропологическом театре [9, с. 63]. Чрезвычайно важен его тезис: «Нельзя создавать свое, не отрицая и не отвергая в то же время чужих разрушительных начал и приемов» [9, с. 677]. Здесь обнаруживается очевидная переключка с идеей Ф. М. Достоевского о том, что «всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что своим богом победит и изгонит из мира всех остальных богов» [2, с. 42]. Самобытность культуры сопряжена с жертвами, на которые она идет ради своей самостоятельности. Исконность всякой цивилизации, подлинность неповторимого, специфического культурного кода, непреходящих для конкретной общности ценностей и объединяющих людей принципов — все это результат мучительной, но плодотворной работы,

на которую добровольно идет культура, чтобы, будучи живым организмом, приобрести иммунитет к чужеродным влияниям.

Для К. П. Победоносцева союз «простого человека» и императорской власти составляет своеобразное метафизическое единство, «простой человек» мыслился им как воплощение неспорченности ни образованием, ни чуждыми либеральными интеллигентскими идеями. Интеллигенты в данном случае противопоставляются обер-прокурором искреннему носителю подлинной русской правды, а высшую добродетель государства и образовательной политики он толкует вполне в духе Гиппократового «не навреди». В статье «Государство и церковь» он указывал, какие опасности для духовной жизни подлинного верующего влекут за собой исследования философов и ученых [12, с. 212–213].

Еще одним следствием чрезмерного и необдуманного просвещения, портящим русскую душу, был ненавидимый Победоносцевым космополитизм. Обер-прокурор видел в непросвещенном мужике хранителя тайного религиозного сознания, крепкой мистической религиозности. В этом смысле антисемитские правительственные кампании, возглавляемые и вдохновляемые Победоносцевым, нужно связать с его попытками создать безопасную духовную обстановку для своего народа, оградив его от воплощения космополитической беспринципности, которая нарушает русскую цельность.

Его идеалом была община, самостоятельно воспроизводящая истинное вероисповедание и религиозные принципы, в которой образовательные функции отводились бы наиболее бедным, истово верующим крестьянам, простым сельским священникам, желающим учить слову Божьему не за деньги, а по собственному душевному почину. Обер-прокурор искренне полагал, что в организации общественной жизни не нужны иные нормы, кроме церковных, в отделении церкви от государства видел величайшую опасность для здоровья нации и с горечью читал сообщения о том, что кафедры в Германии занимают проповедники, публично отрицающие в себе веру во Христа, лишь формально исполняя свой долг [12, с. 210].

Характерен для описания уникальных личностных качеств русского народа тезис И. А. Ильина о необходимости преодолеть зло, от которого по природе несвободен человек. Человечество станет на сторону антихристианского начала, правящего миром, если не попытаться изменить его творческим актом, сущность которого, по Ильину, глубоко религиозна [4, с. 407]. Достичь Бога и истины можно только посредством творческого поиска духовного начала внутри себя, и поиски эти должны осуществляться в сообществе людей. Это сообщество само по себе представляет определенную форму духа, а потому должно считаться условиями приближения человека к Богу и постижения Бога. Несмотря на то что в земной жизни невозможно полное слияние человека с Богом, человек все же должен стремиться поддержать свою способность к добру посредством организованного сообщества. Поэтому характерного для моральных воззрений Л. Н. Толстого нигилистического отношения к государству и праву Ильин не мог принять, ведь оно разрушает конкретность и цельность личности.

Напротив, истинный христианин должен стремиться к осуществлению торжества воли Божьей на земле, ведь именно она воплощается в идеале

сильного государства. Здесь Ильин развивает идеи немецкой классической философии, которые составляют самую основу его самостоятельного учения о нравственности и праве. Фактически он ставит задачу обосновать принципы гармоничного развития личности в соответствии с замыслом Божиим, т. е. основываясь на принципах христианской любви. При этом Ильин настойчиво повторяет, что вне общества, а значит и помимо правовых институтов, счастье человека в этом мире недостижимо (см.: [4, с. 408]). Рост и совершенствование нравственного и личного потенциала человека, таким образом, философ связывает с попытками преодоления трагедии человеческого существования в мире.

Заключение

Итак, для русских консервативных мыслителей в личности русского человека заключены непреходящие, фундаментальные нравственные ориентиры, ценности и свойства характера, впитанные им из православной традиции. Именно на религиозный аспект формирования личности консерваторы опираются в своих размышлениях о самобытности русского менталитета и характера. Однако, в отличие от либерально настроенных мыслителей, также признававших православие неотъемлемым элементом русской культуры, религиозная составляющая для консерваторов является мировоззренческой доминантой. Личность и ее формирование мыслится в рамках традиционного патриархального православного самосознания, и абсолютизация такого самосознания на государственном уровне признается естественной и здоровой.

Здесь мы приходим к тезису, который разделяют многие, а может быть, и большинство консервативных философов: дело в том, что они стремятся понять личность как наследницу определенной (православной) народной традиции. Эту традицию, полученную ими от отцов, всеми силами нужно стремиться продолжать, необходимо соблюдать и отстаивать особые принципы, которые укрепляют веру в непреходящее значение этих фундаментальных заветов, имеющих чуть ли не культовый смысл. Иначе говоря, нарушение этих принципов приводит к крушению всего миропорядка.

Обоснование таких принципов всегда происходит на контрасте с тлетворными веяниями в среде тех, кто их не соблюдает: и для Леонтьева, и для Победоносцева, и для Ильина это вне всякого сомнения были европейский страны, пережившие буржуазные революции, где восторжествовали секуляризация и учение о либеральных ценностях, а для И. А. Ильина также — пример торжества «сатанинского» коммунизма. Отсюда возникают, во-первых, противопоставление традиционного типа личности новому, либеральному типу, и, во-вторых, стремление укрепить современное положение дел и таким образом покорить время. Получается, нет ни прошлого, ни будущего, поскольку для консервативных мыслителей время и история всегда разворачиваются в настоящем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов А. А. Л. Н. Толстой. Непротивление злу насилием. — URL: <https://iphbras.ru/uplfile/ethics/biblio/N/10.html>
2. Достоевский Ф. М. Собр. соч. — М.: Мир книги, Литература, 2008. — Т. 8.
3. Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. — 464 с.
4. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. — СПб.: Наука, 1994. — 541 с.
5. Камнев В. М. Русский консерватизм и идеал государственного служения: к характеристике взглядов К. П. Победоносцева // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2009. — № 1 (25). — С. 129–139.
6. Кочетков В. В. Консерватизм и конституционализм в концепции И. А. Ильина // Федерализм. — 2014. — № 2 (74). — С. 123–134.
7. Крот М. Н. Проблема модернизации российского общества в отечественной консервативной мысли второй половины XIX века // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2014. — № 5 (78). — С. 48–52.
8. Курилов С. Н. Проблема личности, общества и государства в социальной философии С. Л. Франка // Соловьевские исследования. — 2015. — № 4 (48). — С. 117–123.
9. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. — М.: Эксмо, 2007. — 896 с.
10. Петер Х. Р. Иван Ильин и фашизм // Альтернативы. — 2012. — № 4. — С. 120–124.
11. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. — М: Русская книга, 1993. — 638 с.
12. Победоносцев К. П. Государство и церковь: в 2 т. — М.: Институт русской цивилизации, 2011.
13. Полунов А. Ю. Победоносцев: русский Торквемада. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 335 с.
14. Поповкин А. В. Русские философы и фашизм: к проблеме интеллектуального соблазна // Россия и АТР. — 2015. — № 2 (88). — С. 40–51.
15. Тарасов К. Н. Проблема отношений личности и государства в социально-политической доктрине российского консерватизма конца XIX — 1-й половины XX в. на примере взглядов Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина и евразийцев // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2012. — № 1 (99). — С. 199–211.
16. Фирсов С. Л. К. П. Победоносцев и «еврейский вопрос» в России. К постановке проблемы // Studia Culturae. — 2015. — № 23. — С. 110–132.
17. Цвык В. А. Проблема борьбы со злом в философии И. А. Ильина // Иван Александрович Ильин / под ред. И. И. Евлампиева. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — 543 с.
18. Черепанова И. В. И. А. Ильин об истоках фашизма и его последствиях // Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. — Барнаул: АлтГПУ, 2015. — С. 76–80.
19. Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление. — М.: Прогресс. — С. 317–346.